

Д.В. Марьин

Алтайский государственный университет

**Рабочие записи В.М. Шукшина
как объект филологического исследования**

Аннотация: В данной статье автор обращается к проблемам филологического анализа рабочих записей известного русского писателя В.М. Шукшина. Уделяется внимание вопросам происхождения рабочих записей, некоторым текстологическим особенностям, жанровому разнообразию, вопросам языка и поэтики, а также интерпретации данных произведений нехудожественного творчества Шукшина.

In the article, the author deals with the problems of philological analysis of working notes of the famous Russian writer V.M. Shukshin. The author focuses on the origin of shukshin's working notes, some their textual features, the variety of genres, issues of language and poetics, as well as interpretation of these works of non-fiction creativity.

Ключевые слова: русская литература XX века, В.М. Шукшин, нехудожественное творчество, рабочие записи.

Russian literature of the XXth century, V.M. Shukshin, non-fiction creation, working notes.

УДК: 82-1/-9.

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова, 66. АлтГУ, филологический факультет. Тел. (3852) 366379. E-mail: dvmariyin@gmail.com.

Нехудожественные произведения (дневники, письма, автобиографии, дневниковые записи и т.п.) обычно находятся на периферии исследования творчества писателя. Между тем, именно подобные документы могут служить ценным источником для изучения биографии писателя, эволюции его творческой манеры, помогают реконструировать историю работы над известными художественными произведениями, а в некоторых случаях являются авантекстами последних. Рабочие записи В.М. Шукшина, без сомнения, относятся к той части его творческого наследия, которая изучена меньше всего. До сих пор нет полного свода шукшинских рабочих записей, практически полностью отсутствуют посвященные им исследовательские работы. Однако современный уровень развития шукшиноведения требует более глубокой разработки вопроса происхождения и текстологии рабочих записей, их жанрового своеобразия, особенностей языка и поэтики, исследования следов влияния на литературное творчество Шукшина и т.п., что по существу требует проведения комплексного филологического анализа текстов шукшинских рабочих записей. Подобный анализ должен, по меньшей мере, включать в себя последовательное решение следующих проблем:

© Д.В. Марьин

- 1) Проблемы текстологии.
- 2) Проблемы языка и поэтики.
- 3) Проблемы интерпретации.

1. Проблемы текстологии рабочих записей В.М. Шукшина

Проблемы текстологии заключаются в исследовании происхождения каждой рабочей записи, рукописных источников, содержащих заметки писателя, особенностей их орфографии и пунктуации, в решении вопросов датировки, в изучении истории публикации рабочих записей Шукшина. В ряде случаев текстологический анализ – отправная точка литературоведческой интерпретации рабочей записи.

Проблема происхождения рабочих записей предполагает работу с оригиналами заметок Шукшина, т.е. обращение к рукописным источникам. К сожалению, работа с рукописными источниками, содержащими рабочие записи В.М. Шукшина, предельно ограничена вследствие закрытости личного архива писателя. В настоящее время в фондах Мемориального музея-заповедника В.М. Шукшина в с. Сростки (Бийский р-он Алтайского края) хранятся 4 тетради писателя, содержащие его рабочие записи. Две тетради переданы в музей в 2000 г. сестрой писателя Н.М. Зиновьевой. Первая тетрадь¹ (ученическая в клетку), дадим ей условное обозначение «тетрадь № 1», содержит рукописи киноповести «Позови меня в даль светлую» и неопубликованного «Сокровенного рассказа». На третьей странице обложки – запись в две строки: «Крепости – потому и крепости, что всегда сдаются». Вторая тетрадь² (общая, 96 листов), «тетрадь № 2», с рукописями рассказов «Светлые ночи» и «Сокровенный рассказ», черновым вариантом предисловия к рассказам Е. Попова, статьей «О творчестве Василия Белова» и вставкой в киносценарий «Печки-лавочки», содержит также 5 рабочих записей на форзацах (№№ 116–120 в 8 томе Собрания сочинений [Шукшин, 2009, с. 291]³). На первом форзаце тетради, в правом нижнем углу есть надпись в две строки: «Янв. 71. Ленинград», что позволяет не только достаточно точно датировать рабочие записи из данной тетради, но и предположительно назвать датировку записи из тетради № 1¹, так как в ней также содержится рукопись «Сокровенного рассказа». Очевидно, что Шукшин работал над произведением в 1971 г.

Третья и четвертая тетради были переданы в 2008 г. в ВММЗ В.М. Шукшина вдовой писателя Л.Н. Федосеевой-Шукшиной на временное хранение (не имеют музейного шифра). «Тетрадь № 3» (амбарная книга) содержит черновик 2-й части 1-й книги романа «Любавины», а также 13 рабочих записей. Большая часть рабочих записей из данной тетради были опубликованы в 8 томе собрания сочинений В.М. Шукшина (№№ 92–97). Содержание двух записей (№№ 92 и 93, см. об этом далее) позволяет определить время работы Шукшина с материалами тетради: август 1961 г. На данный момент – это самая ранняя дата, относящаяся к рабочим записям. Таким образом, можно сделать вывод, о том, что рабочие записи стали делаться Шукшиным достаточно рано, в самом начале своей писательской карьеры: ведь только в марте 1961 г. в журнале «Октябрь» была опубликована подборка рассказов начинающего писателя с Алтая (до этого времени с 1958 г. Шукшин не печатался), обратившая на себя внимание критиков. Очевидно, что рабочие записи – обязательный элемент «творческой лаборатории» Шукшина, сопровождавший работу писателя над художественными произведениями.

«Тетрадь № 4» (96 листов, в клетку) – последняя прижизненная рукопись писателя, обнаруженная после смерти среди его вещей в каюте теплохода «Дунай»,

¹ ВММЗВШ. ОФ 9300.

² ВММЗВШ. ОФ 9301.

³ Все тексты рабочих записей, если это особо не оговаривается, приводятся в данной статье по изданию: [Шукшин, 2009, с. 278–293].

о чем свидетельствует записка следователя, вложенная в тетрадь в том месте, где она была открыта на момент осмотра каюты. Тетрадь содержит рукопись незаконченной повести «А поутру они проснулись», а также запись рецепта какого-то «народного средства» (видимо, от язвы) и рабочую запись: «*“Контингент” и “экзистенциализм” – два слова, которых В. никогда не смог правильно произносить*». Шукшин, очевидно, работал над рукописью до последнего часа жизни. Следовательно, возможно установить и датировку записи: конец мая – октябрь 1974 г. (время пребывания В.М. Шукшина на съемках фильма «Они сражались за Родину»).

Проблема целостности текста заключается в установлении основного текста рабочей записи и сохранении его аутентичности при публикации. В рукописных источниках могут встречаться трудночитаемые и даже нечитаемые фрагменты, что легко объяснить: записи часто делались писателем наспех, чернила со временем выцветают и т.п. Так, например, в рабочей тетради Шукшина № 3 одна из записей осталась нерасшифрованной: «*На 1 [неразб.] – 25 [неразб.]*». При установлении границ текста рабочей записи по рукописи необходимо учитывать целый ряд косвенных признаков: направление письма, цвет чернил, наличие между записями разграничительного значка (у Шукшина это горизонтальная черта). Так, к сожалению, плохое качество ксерокопии с рукописи ввело в заблуждение нас при подготовке рабочих записей Шукшина из тетради № 3 для публикации в Собрании сочинений писателя. Запись № 93 выглядит в этом издании так: «*В ночь с 15 на 16 августа 1961 г. сон о Наташе и о маме. Опять сон о родных*». Более тщательное изучение оригинала показало, что вторая часть заметки – самостоятельная рабочая запись, отделенная от первой горизонтальной чертой и написанная в другой плоскости (по диагонали, в то время как первая часть – строго горизонтальна). Очевидно, вторая запись была сделана позже и должна рассматриваться отдельно.

Есть пример неверного определения границы рабочей записи и в печатном издании. В ряде изданий, в которых взят за основу сборник «Вопросы самому себе», допущена одна и та же ошибка: две разные рабочие записи «*Вот рассказы, какими они должны быть...*» и «*В каждом рассказе должно быть что-то настоящее...*» объединены в одну [Шукшин, 1991, с. 462; 2006, с. 473], хотя в первой публикации рабочих записей Шукшина эти записи разделены и даже не соседствуют в тексте подборки [Шукшин, 1979, с. 285, 289]. Причина ошибки, очевидно, кроется в том, что в сборнике «Вопросы самому себе» данные записи следуют друг за другом и расположены на соседних страницах [Шукшин, 1981, с. 246–247]. При этом принятого в сборнике разделительного значка (черный кружок) между разными записями в данном случае нет. Досадная типографская ошибка создала прецедент, который ввел в заблуждение последующих публикаторов.

В рамках проблемы целостности авторского текста важен также вопрос, касающийся *сохранения авторской орфографии и пунктуации* при публикации рабочих записей. По мнению С.А. Рейсера, «понятие об авторской воле в отношении текста никак нельзя механически переносить на знаки препинания» [Рейсер, 1970, с. 183]. Изучение оригинальных текстов шукшинских тетрадей показывает, что в них встречаются орфографические ошибки. По большей части это результат поспешности, с которой делались записи, следствие отсутствия должного контроля орфографии, так как записи не рассчитаны на иного адресата, кроме самого автора. Таким образом, редактору приходится следовать принципу, принятому в текстологии: «сохранить всё индивидуальное, поскольку удастся его выявить, и поскольку оно имеет смысловое значение» [Рейсер, 1970, с. 184]. Так, в записи «*Понял почему, когда заболеешь, – во сне то и дело видишь родных: ты болеешь – они о тебе беспокоятся, они беспокоятся – ты беспокоишься. Круг*» при публикации в 8 томе Собрания сочинений орфографическая ошибка была нами исправ-

лена, так как она явно не отражала авторского замысла, не несла определенной семантической нагрузки. Похожая ситуация, на наш взгляд, наблюдается и в следующей записи, также из тетради № 3: «Танка – штука сильная. Но **боятся** танку не надо. Как увидел танку, прыгай на нее и затыкай ей дыру фуфайкой. И тогда танка становится слепая». Здесь вновь ошибка того же типа, что и в предыдущем случае (мягкий знак в окончании глаголов). И хотя сама запись явно носит игровой, миметический характер, вряд ли данная орфографическая ошибка сознательно сделана автором. Учитывая повторяемость ошибки, ее, можно сказать, типовой для тетради № 3 характер, при публикации рабочей записи в Собрании сочинений В.М. Шукшина редактор-составитель 8 тома отказался от ее воспроизведения.

При публикации еще одной рабочей записи из тетради № 3 в сборнике «Тесно жить» по непонятным причинам утерян авторский восклицательный знак в конце записи [Шукшин, 2006, с. 489]. Между тем, знакомство с рукописью не оставляет сомнений в наличии восклицательного знака в тексте заметки. В полном виде запись опубликована в юбилейном Собрании сочинений: «*Читайте, братцы, Белинского. Читайте хоть тайно – ночами. Днем высказывайте его мысли, как свои, а ночами читайте его. Из него бы евангелие сделать!*». Таким образом, даже опубликованные рабочие записи В.М. Шукшина нуждаются в тщательном текстологическом изучении с целью устранения важнейших и значительных расхождений с авторским текстом.

Проблема датировки рабочих записей актуальна не только в историко-литературном аспекте, но также имеет важное значение при реконструкции биографии писателя. Верно установленная дата создания рабочей записи может дать представление о душевном и интеллектуальном состоянии писателя в определенный период времени, выделить нравственно-духовные доминанты владевшие Шукшиным в данный момент. В настоящее время только порядка 46 рабочих записей (т.е. около 32 %) имеют достаточно точно установленную дату их создания. Даты для 19 записей определены нами по прямым и косвенным признакам при изучении четырех рабочих тетрад В.М. Шукшина в фондах ВММЗВШ в с. Сростки. Даты остальных 27 записей приводятся в сборнике «Тесно жить». На какие источники опирался при этом редактор-составитель сборника Г. Кострова, – неизвестно. По крайней мере, одна из датировок явно ошибочна. Известная уже нам запись «*Читайте, братцы, Белинского...*» в сборнике почему-то датирована 1970-м годом [Шукшин, 2006, с. 489]. Однако запись эта встречается уже в тетради № 3, относящейся, как мы выше указывали, к 1961 г.!

Для установления датировки рабочих записей могут применяться следующие приемы.

1) Прямая авторская датировка. У некоторых записей точная дата создания указана самим Шукшиным, например: «(10 августа 1961) Сон видел: ...» – запись из тетради № 3 (в полном виде ее текст – см. ниже) и т.д. Однако количество таких записей ничтожно мало;

2) Датировка по содержанию. Например, в тетради № 3 содержится следующая запись: «*Сейчас Титов летает черт его знает где! А в народе говорят: “Как же теперь Гагарин?..” Титов мой земляк, оказывается.*». Полет в космос Г.С. Титова, как известно, состоялся 6 – 7 августа 1961 г. Наречие «сейчас» явно указывает на синхронный характер данной рабочей записи, что позволяет достаточно точно установить дату ее написания;

3) Датировка по косвенным признакам. Действие данного приема было нами проиллюстрировано выше. Так время написания рабочей записи «*“Контингент” и “экзистенциализм” – два слова, которых В. никогда не смог правильно произносить*» может быть определено в связи с тем, что запись оставлена писателем в последней прижизненной тетради, которую он вел на съемках фильма «Они сражались за Родину», т.е. 1974 г. (конец мая – начало октября). Целый ряд запи-

сей из тетради № 2, например: «Истинно свободен тот, кто не боится смерти» и др., могут быть датированы 1971 годом, так как сам автор на форзаце тетради обозначил дату «Янв. 71. Ленинград» и т.д. В случае определения по косвенным признакам желательнее найти дополнительные данные, указывающие на возможность именно такой датировки. В частности, в последнем случае, дополнительным фактом, подтверждающим верность шукшинской датировки тетради может служить телеграмма В.М. Шукшина и В. Трегубовича, отправленная 26 января 1971 г. из Ленинграда М.И. Ромму по случаю его дня рождения. Таким образом, Шукшин действительно в двадцатых числах января 1971 г. находился в северной столице. Иногда в качестве таких дополнительных источников верификации датировки может служить литературоведческий анализ текста рабочей записи.

2. Проблемы языка и поэтики рабочих записей В.М. Шукшина

Рабочие записи В.М. Шукшина обнаруживают следующие особенности языка. В лексике наблюдается абсолютное преобладание немаркированных лексем. Однако встречаются 3 маркированных: **массовка** (термин кинопроизводства) (*Никак не могу относиться к массовой равнодушно*), **иллюха** (груб. прост) (*Редактор – это, как капризная иллюха...*) и **пипетка** (жарг. груб.) (*Новое слово (нехорошее) о женщине – пипетка*). Заметим, что число жаргонизмов в языке писем, автографов и автобиографий Шукшина также невелико.

Встречаются в языке рабочих записей и фразеологические единицы: **на карачках** [ФСРЯ, 1986, с. 195]: *Ничего, болезнь не так уж и страшит: какое-то время можно будет еще идти на карачках*; **строить из себя** [ФСРЯ, 1986, с. 461]: *Только не шлепайте значительно губами, не стройте из себя девочек, не делайте вид, что вы проглотили тридцать томов Ленина – судите судом человеческим*); **Господи** [ФСРЯ, 1986, с. 119]: *Говорят, когда хотят похвалить: «Писатель знает жизнь». Господи, да кто же ее не знает!; черт возьми!* [ФСРЯ, 1986, с. 521] – с пометой *прост. (Черт возьми! – в родной стране, как на чужбине)*.

Значительно большее число составляют окаzionaliальные, индивидуально-авторские фразеологизмы. С формальной точки зрения можно выделить, по крайней мере, 3 их группы.

1) Часть подобных конструкций возникает на основе развития уже известных ФЕ, зафиксированных в «Фразеологическом словаре русского языка» [ФСРЯ, 1986]. Образ, лежащий в основе знакомого ФЕ, у Шукшина получает развитие, фактически заменяется новым. Например: **черт его знает где** (*Сейчас Титов летает черт его знает где!* [Шукшин, 2009, с. 288]) на основе ФЕ **черт его знает** [ФСРЯ, 1986, с. 521]. В статье «Признание в любви» встречается также вариант: **черт знает где** [Соловьева, с. 325]; **уносить ноги в руках** (*Из оставшейся половины – решительных – половина бы унесла ноги в руках*) на основе сразу двух ФЕ: **уносить ноги** [ФСРЯ, 1986, с. 495] и **ноги в руки** («быть свободным») [Соловьева, 2004, с. 278] (есть в киноповести «Печки-лавочки»); **лезть с голыми руками** (*Не полезу же я с голыми руками на ножи!*) на основе ФЕ **брать голыми руками** [ФСРЯ, 1986, с. 44]. В данном случае мы имеем дело с фразеологическими вариантами общенародных ФЕ.

2) Есть индивидуально-авторские ФЕ, которые не являются развитием общеязыковых ФЕ, но отмечены в «Словаре фразеологизмов в произведениях В.М. Шукшина» [Соловьева, 2004]. Они, как правило, встречаются и в других произведениях писателя: **на одну драку осталось** [Соловьева, 2004, с. 268]: *О лысеющем человеке говорят: «У него волос на одну драку осталось»* (то же в рассказе «Три грации»); **под наив работать** [Соловьева, 2004, с. 288]: *<...>Но – умело давать. Работать под наив* (есть также в повести «Точка зрения»); **как блоха на зеркале** (*Когда я долго на одном месте, я себя чувствую, как блоха на*

зеркале [Шукшин, 2009, с. 284]) – вариант ФЕ, отмеченной в словаре А.Д. Соловьевой как *скакать как блоха на зеркале* – «вести себя неразумно, смешно» [Соловьева, 2004, с. 305] (тоже в «Раскас»).

3) Окаzionaliальные ФЕ, не отмеченные во фразеологических источниках. Такие фразеологизмы обладают признаками ФЕ: идиоматичность, целостность значения, наличие синтаксически и семантически ограниченных связей между компонентами, в некоторых случаях – воспроизводимость (встречаются в других текстах писателя). Например: *чують сердцем* – «остро чувствовать» (*Разлад на Руси, большой разлад. Сердцем чую*). Данный фразеологизм встречается в тексте письма В.М. Шукшина П.Н. Демичеву (июль 1973 г.): *Простите меня, Петр Нилович, за надоедливость, но я подумал-подумал – чую сердцем – больше нигде не помогут; протирають штаны* – «бездельничать» (<...> *А мы – про людей, которые протирають штаны в креслах – работают! Кто?!*); *и дураку понятно* – «очевидно, ясно» (*Что такое краткость? Пропусти, но пусть это будет и дураку понятно – что пропущено. Пропущенное и понятое понимается и радуется*); *шлепать губами* – «делать важный вид» (<...> *Только не шлепайте значительно губами* <...>); *тот и пан* – «тот, кто владеет ситуацией» (<...> *Получается: кто взял нож, тот и пан* <...>). В данном случае очевидна аллюзия на известную поговорку «Или пан, или пропал».

Встречается употребление «крылатого выражения»: *Нет, ребята, «могучей кучки» не получилось. Жаль* [Ашукин, 1986, с. 383].

Итак, язык рабочих записей В.М. Шукшина отличается гораздо большим употреблением ФЕ, и особенно, оккаzionaliальных ФЕ, по сравнению с языком произведений других внелитературных жанров творческого наследия В.М. Шукшина. Безусловно, использование ФЕ придает рабочим записям большую эмоциональность и выразительность.

Для морфологического уровня языка рабочих записей достаточно характерно активное употребление глаголов в императиве, что не свойственно для языка других шукшинских внелитературных жанров: *Угнетай себя до гения; Вслушайтесь – искусство!* <...>; *Восславим тех, кто перестал врать; Не поворачивайся к людям спиной – укусят; Армию – не тронь, милицию не тронь, партаппарат не тронь* <...>; *Читайте, братцы, Белинского* <...> и др. Еще одной особенностью языка рабочих записей Шукшина является употребление деминутивов: <...> *Лермонтов – внучек* <...> *Все, что дальше, – воришки* <...>; *Читайте, братцы, Белинского; Вообще говоря, вырисовывается как будто и теорийка; Чистых покойничков мы все жалеем и любим* <...>. Функция использования подобных единиц в тексте рабочих записей – выражение авторской иронии.

Для синтаксического уровня характерно использование как простых, так и сложных предложений, хотя простые предложения количественно преобладают. Значительное число занимают односоставные предложения: *Оппозиция, да; О Разине; Потом – зарежут. И съедят; Сюжет? Это – характер* и т.п. Обращает на себя внимание эллипсис (что характерно для идиостиля Шукшина в целом), например: *И тогда – буквы отдельно и крючками; В ночь с 15 на 16 августа 1961 г. сон о Наташе и о маме; Правда всегда немногословна. Ложь – да; Надо пять – хороших; Где я пишу? В гостиницах. В общежитиях. В больницах.*

Среди приемов, организующих художественно-речевую структуру рабочих записей В.М. Шукшина, следует отметить диалог:

– *За что человек не жалеет ни сил, ни средств, ни здоровья?*

– *За удовольствия. Только в молодости он готов за это здоровье отдать, в старости – отдать удовольствия за здоровье* и др.

Также частотен повтор в разных вариантах – анафора: *Форма?.. Форма – она и есть форма: можно отличить золотую штуку, а можно – в ней же – остудить холодец. Не в форме дело; Добрый, добрый... Эту медаль носят через одно-*

го. **Добро** – это **доброе** дело, это трудно, это не просто. Не хвалитесь **добротой**, не делайте хоть зла! (в данном тексте анафора усложнена **анноминацией**), **эпифора**: *И что же – смерть? / А листья зеленые. / (И чернила зеленые.)*; Человек, который дарит, хочет испытать **радость**. Нельзя ни в коем случае отнимать у него эту **радость** и др., **многосоюзие**: <...> **И что «надо», и что «должны», и что «обязаны»** – бороться <...> (усложнено исоколоном, возможно также рассмотрение данного приема и как градацию (антиклимакс) и несобственно-прямую речь); *За что человек не жалеет ни сил, ни средств, ни здоровья <...>*; **накопление**: <...> так называемый **простой, средний, нормальный** положительный человек меня не устраивает<...>; **фигура стыка (эпифора+анафора)**: *...Вслушайтесь – искусство! Искусство – так сказать, чтоб тебя поняли <...>* и т.п.

Достаточно велико число конструкций с **градацией** (двух – или трехчленная): *Но только потому: талантлив и менее талантлив. Или вовсе – бездарь; И стыжусь себя, и ненавижу; Где я пишу? В гостиницах. В общежитиях. В больницах* (антиклимакс (ниспадающая градация) по признаку социального статуса места), причем в данном случае градация дополняется анафорой: *В гостиницах. В общежитиях. В больницах* и т.п.; *Произведение искусства – это когда что-то случилось: в стране, с человеком, в твоей судьбе; Я – сын, я – брат, я – отец... Сердце мясом приросло к жизни. Тяжко, больно – уходит* (в данной рабочей записи 2 конструкции разных видов градации: инклимакс в первом предложении (по степени близости родства) + анафора и климакс в третьем предложении); *Всю жизнь свою рассматриваю, как бой в три раунда: молодость, зрелость, старость* и др.

Многочисленны конструкции с **антитезой**: *Сложное – просто, а не простое – сложно; Одно дело – летопись, другое дело – «Слово о полку Игореве»; Не старость сама по себе уважается, а прожитая жизнь; Логика искусства и логика жизни – о, это разные дела* и др.; **хиазм**: *Когда нам плохо, мы думаем: «А где-то кому-то – хорошо». Когда нам хорошо, мы редко думаем: «Где-то кому-то – плохо».*

Встречаются также **несобственно-прямая речь**: *Армию – не тронь, милицию не тронь, партаппарат не тронь, чиновников министерского ранга не тронь... <...>*; **оксюморон**: *Я воинственно берегу свою нежность* [Шукшин, 2009]; **цитация**: *Самые великие слова в русской поэзии: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли... Глаголом жги сердца людей!»; Вот еще из откровений: «На свете счастья нет, а есть покой и воля»; «А Русь все так же будет жить: плясать и плакать под забором!* Авторские слова в комбинации с цитатами из известных произведений свидетельствуют об их переосмыслении писателем («самые великие слова», «откровения»). Как видим, язык и поэтика рабочих записей Шукшина отличаются богатством и разнообразием.

В целом, рабочие записи, в текстах которых представлены повтор, градация и антитеза составляют в общей сложности **52 %**, т.е. большую часть произведений данного жанра. Потому именно указанные приемы поэтики могут быть названы важнейшими для жанра рабочих записей, и более того, жанрообразующими. В то же время следует указать и на то, что названные приемы – не уникальны для данного жанра и являются характерными для других жанров как художественного, так и нехудожественного творчества Шукшина.

3. Проблема интерпретации содержания рабочих записей В.М. Шукшина

Интерпретации рабочих записей В.М. Шукшина до сих пор уделялось неоправданно мало внимания. Пожалуй, лишь в работах П.С. Глушакова можно найти целенаправленную попытку интерпретации шукшинских записей. Так в 3 томе «Энциклопедического словаря-справочника “Творчество В.М. Шукшина”» фак-

тически представлен общий анализ 10 записей [Творчество В.М. Шукшина, 2007, с. 353–355]. Далее попытаемся дать истолкование содержанию нескольких рабочих записей В.М. Шукшина.

3.1. Говорят: «Надо уметь писать! Не хочется – а ты сядь и пиши. Каждый день пиши!» Не понимаю, зачем это нужно? Кому?

Данная рабочая запись содержит явную интертекстуальную переключку с известным крылатым выражением: «Писать надо только тогда, когда не можешь не писать» [Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, 2005, с. 584], обычно цитируемым как совет начинающему писателю.

Крылатое выражение традиционно соотносится с двумя фразами из произведений внелитературных жанров творчества Л.Н. Толстого. Напрямую оно восходит к записи в дневнике писателя от 19 октября 1909 г.: «Сейчас почитал “Круг чтения”, письма, ответил на конвертах, и ничего не хочется писать, и слава богу. <...> **Если уж писать, то только тогда, когда не можешь не писать**» [Толстой, 1985, с. 344]. Сопоставление шукшинской рабочей записи с толстовской фразой показывает их различный модус: если у Толстого речь идет о *желании* писать, то у Шукшина – об *умении* писать. Алтайский писатель акцентирует проблему мастерства, ремесла в литературной работе.

В качестве второго источника крылатого выражения указывают на фразу из письма Л.Н. Толстого к Л.Н. Андрееву от 2 сентября 1908 г.: «**Думаю, что писать надо, во-первых, только тогда, когда мысль, которую хочешь выразить, так неотвязчива, что она до тех пор, пока, как умеешь, не выразишь ее, не отстанет от тебя.** Всякие же другие побуждения для писательства, тщеславные и, главное, отвратительные денежные, хотя и присоединяются к главному, потребности выражения, только могут мешать искренности и достоинству писания» [Толстой, 1984, с. 649]. Несмотря на то, что рассмотренная нами выше дневниковая фраза ближе шукшинской по форме, фраза из письма точнее соотносится с ней по смыслу. Показательно то, что в этом письме Толстой не столько высказывает мнение о творчестве Андреева, сколько излагает вообще свои «мысли о писательстве», своеобразный кодекс писателя. Перед нами – советы Л.Н. Толстого начинающему литератору Л. Андрееву, в некотором роде, мастер-класс великого писателя. Как заметил биограф алтайского писателя В. Коробов, «многие шукшинские высказывания о литературе и искусстве могут показаться вышедшими из дневников и писем Льва Толстого, многие творческие находки Шукшина как бы предвосхищены толстовской прозой» [Коробов, 1984, с. 202]. Шукшинские «мысли о писательстве» изложены не только в его статьях («Как я понимаю рассказ», «Средства литературы и средства кино»), но и в его рабочих записях – сопутствующем продукте работы над художественными произведениями. Таким образом, данная рабочая запись – шукшинское переосмысление первого толстовского совета Андрееву.

Если рассматривать другие рабочие записи в контексте толстовского письма, то они также выглядят результатом рефлексии Шукшина на «мысли о писательстве» Л. Толстого. Напомним второй совет Толстого Л. Андрееву: «Второе, что часто встречается и чем, мне кажется, часто грешны особенно нынешние современные писатели (все декадентство на этом стоит), **желание быть особенным, оригинальным, удивить, поразить читателя.** <...> Это исключает простоту. А простота – необходимое условие прекрасного. **Простое и безыскусственное может быть нехорошо, но непростое и искусственное не может быть нехорошо**» [Толстой, 1984, с. 649] (выделено нами – М.Д.). Ответ Шукшина Толстому, как нам кажется, сокрыт в следующих рабочих записях: «*Сейчас скажу красиво: хочешь быть мастером, махай свое перо в правду. Ничем другим больше не удивишь*» и «*Сложное – просто, а не простое – сложно*», причем последняя запись представляет собой почти парафраз толстовской. В аналогичном ключе о специфике оригинальности писательской манеры Шукшин рассуждает в ранней статье

«Как я понимаю рассказ»: *«Ведь если старуха упала на мостовой, это не значит, что она может в рассказе немножко взлететь вверх. Не фотография, не натурализм, не бытописание, не упрощенчество, но житейски правдивое явление: старуха падает вниз, а не вверх. Вверх – это оригинально, такого еще не было, но придумано. За столом. В “муках творчества”. А придумывать рассказ трудно. И, главное, не надо».* Требование следования правде, как главному признаку оригинальной авторской манеры прослеживается и в следующей шукшинской записи: *«Я знаю, когда я пишу хорошо: когда пишу и как будто пером вытаскиваю из бумаги живые голоса людей».*

Еще одна мысль о писательстве Л.Н. Толстого: «Третье: поспешность писания. Она и вредна и, кроме того, есть признак отсутствия истинной потребности выразить свою мысль» [Толстой, 1984, с. 649]. О «поспешности писания» высказывается и Шукшин: *«Заметил, что иногда – не так часто – не поспеваю писать. И тогда – буквы отдельно и крючками».*

И, наконец, четвертое предостережение Л.Н. Толстого: «Четвертое: желание отвечать вкусам и требованиям большинства читающей публики в данное время. Это особенно вредно и разрушает вперед уже все значение того, что пишется. Значение ведь всякого словесного произведения только в том, что оно не в прямом смысле поучительно, как проповедь, но что оно открывает людям нечто новое, неизвестное мне и, большей частью, противоположное тому, что считается несомненным большой публикой» [Толстой, 1984, с. 649]. Против потворства ожиданиям большинства, что для Шукшина, без сомнения, является признаком низкосортного искусства, искусства для обывателя, алтайский писатель наиболее остро высказался в программной статье «Монолог на лестнице» (1968). Однако, на наш взгляд, та же мысль отчетливо высказывается Шукшиным и в следующей рабочей записи: *«В каждом рассказе должно быть что-то настоящее. Пусть будет брань, пусть будет пьянка, пусть будет наносная ложь, но где-то в чем-то – в черте характера, в поступке, в чувстве – проговорилось настоящее. И тогда, к концу своей писательской жизни, написав 1000 рассказов, я расскажу наконец о настоящем человеке. А если даже в каком-то рассказе нет ничего от настоящего, то там есть – тоска по нему, по настоящему. Тогда – рассказ. Тогда судите. Только не шлепайте значительно губами, не стройте из себя девочек, не делайте вид, что вы проглотили тридцать томов Ленина – судите судом человеческим. Важно, чтоб у вас тоже было что-то от настоящего».*

Итак, целая группа рабочих записей может быть рассмотрена как результат рефлексии В.М. Шукшина на «мысли о писательстве» Л.Н. Толстого. Кроме того, рассмотренные нами записи вкпе с другими, содержащими собственные мысли Шукшина о литературном труде, могут быть представлены как манифест Шукшина-писателя, его кодекс литературного творчества.

3.2. Крепости – потому и крепости, что всегда сдаются. Запись содержится в тетради № 1, что позволяет датировать ее 1971 г.

На наш взгляд, рабочая запись содержит явную аллюзию на крылатое выражение, восходящее к словам И.В. Сталина: «Нет в мире таких крепостей, которых большевики не могли бы взять» [Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, 2005, с. 512–513]. Эта мысль, впервые прозвучавшая 13 апреля 1928 г. в докладе Сталина на собрании актива Московской организации ВКП(б), впоследствии не раз повторялась вождем в других случаях, что говорит о ее важности для него. Совпадает и модальность шукшинской и сталинской фраз: в настоящее время в словаре крылатое выражение имеет помету «шутл.-ирон.» и обычно цитируется как поощрение решительного намерения, поступка, смелого предприятия [Там же]. У Шукшина рабочая запись также явно несет ироническую окраску. Вместе с тем в шукшинской записи есть и явная антитеза сталинской. Шукшин по сути нивелирует активный модус фразы Сталина, что выражается

даже в противопоставлении залога глагольных форм «*взять*» – «*сдаются*». Если у Сталина большевики **берут** крепости, то у Шукшина крепости **сдаются** сами.

Смысл противопоставления словам Сталина, возможно, сокрыт в другой рабочей записи, датированной 1966 г.: «*Истинно великих людей определяет, кроме всего прочего, еще и то, что они терпят рядом с собой инакомыслящих. Гитлер и Сталин по этой статье не проходят туда*».

Возможно, рассмотренная выше шукшинская запись – не только антитезис выражению Сталина, но и способ иронического нивелирования авторитета «отца народов».

Итак, рабочие записи В.М. Шукшина представляют собой важнейшую часть творческого наследия писателя. Рабочие записи обладают сложнейшей жанровой природой, богатой поэтикой, ярким языком, являются «полигоном» творческой мысли Шукшина, отражением его житейских воззрений и душевных переживаний. Поиск, описание и изучение шукшинских рабочих записей – не только (и не столько) дань задаче экстенсивного изучения творчества алтайского писателя, но необходимое условие проникновения в его «творческую лабораторию», важный шаг на пути адекватного представления об эволюции художественного творчества и идиостиля В.М. Шукшина.

Литература

- Коробов В.И. Василий Шукшин. М., 1984.
- Рейсер С.А. Палеография и текстология. М., 1970.
- Соловьева А.Д. Словарь фразеологизмов в произведениях В.М. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2004. С. 207–331. Т. 1.
- Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2007. Т. 3: Интерпретация художественных произведений В.М. Шукшина. Публицистика В.М. Шукшина / науч. ред. А.А. Чувакин; ред.-сост. С.М. Козлова.
- Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22-х т. М., 1984. Т. 19–20: Письма. 1882 – 1910. / Сост и коммент. О.А. Голиненко, З.Н. Ивановой, С.А. Розановой, Б.М. Шумовой.
- Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22-х т. М., 1985. Т. 22: Дневники. 1895 – 1910. / Сост. и коммент. А.И. Шифмана.
- Шукшин В.М. Нравственность есть Правда: [Сборник] / Сост. Л.Н. Федосеева-Шукшина; вступ. ст. Л.А. Аннинского; коммент. Л.А. Аннинского; Л.Н. Федосеевой-Шукшиной. М., 1979.
- Шукшин В.М. Вопросы самому себе: [Сборник] / Вступ. ст. Л.А. Аннинского; коммент. Л.Н. Федосеевой-Шукшиной, Л.А. Аннинского. М., 1981.
- Шукшин В.М. Я пришел дать вам волю: Роман. Публицистика / Общая подгот. и послесл. В. Горна; коммент. Л. Аннинского и Л. Федосеевой-Шукшиной. Барнаул, 1991.
- Шукшин В.М. Собрание сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. О.Г. Левашовой. Барнаул, 2009. Т. 8: Публицистика. Статьи. Интервью. Беседы. Выступления. Письма. Рабочие записи. Автографы. Документы. Стихотворения / Под ред. Д.В. Марьина.
- ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1986.
- Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей / Авт.-сост. В. Серов. М., 2005.